

Александр Маликов

Александр Васильевич Маликов родился в 1959 на ст. Арга Серышевского р-на Амурской обл. Школу окончил в Свободном. В 1977–1980 служил срочную на флоте. В 1984 окончил БГПИ. Три года работал учителем физкультуры, затем некоторое время строителем. В 1993 пришёл в журналистику, сотрудничал с газетой «Амурские вести», с «Амурской правдой». С 2009 чередует работу строителя и журналиста, в разные годы он трудился в газетах «Мужской разговор», «"Комсомольская правда" в Приамурье», «Аргументы недели», «Амурская правда». В 1990 в сборнике «Приамурье моё» были опубликованы главы из его повести «Монологи». В 1994 вышла повесть «Завтрак аристократа», отмеченная литературной премией им. Гр. Федосеева. Рассказы А. Маликова печатались в газетах «Амурская правда», «Восьмой этаж», в альманахе «Приамурье-2001». В 2005–2006 журнал «Дальний Восток» опубликовал фрагменты его романа «Сам себе волк». В 2006 роману была присуждена премия журнала «Дальний Восток» – за лучшее произведение по разделу «проза».

Рассказ

Толямба и Нос

В живописном строящемся пригороде братья появились одновременно. Младший прибился к бобылке, мечтающей возвести небольшой домик из старого бруса. Пригодился кривоногой страшненькой тётке, старше его лет на десять, не только для плотских утех, но ещё и как строитель, которому не надо платить зарплату. Вскоре выяснилось, что прозвище у него — Нос: из-за выдающейся части лица, за которой, собственно, не видно самого лица. А ещё Нос выделялся тем, что у него на мизинце вырос атавистический коготь, именно коготь, а не ноготь, как у всех нормальных людей, и это придавало мужику дьявольский вид, заставляло непроизвольно фиксировать взгляд на столь неоднозначном явлении. Старший, Анатолий, чаще — Толямба, прибился к брату.

Они скоренько, в четыре руки, соорудили нечто вроде летней кухни, самочинно наклонившейся в сторону соседнего, уткнувшегося в пыльный перекрёсток участка. Бобылка наезжала из города проверить ход строительства не каждый день: работа, взрослые дети, внуки, квартира — всё требует внимания и догляда. Казалось, она не обращает внимания на пизанское падение постройки, а про инструмент под названием «уровень» и вовсе не знает. «Внимания и догляда», — любила повторять смешливая вдовушка, которая к пятидесяти, как донесла молва, хохоча и смеясь, двоих отправила в домовине на городское кладбище. Впрочем, Нос не выглядел человеком, которого запросто можно свести в могилу: коротконог, коренаст и крепок, будто дубок. «Всё-таки строитель-плотник, вся жизнь на свежем воздухе, здоровое питание, здоровый

образ жизни, здоровый образ мыслей, чистая неподдельная любовь», — ёрничала бобылка.

И ей, и всей округе вскоре стало известно, каким образом братья остались без жилья, родины и флага. По болезни уйдя в лучший мир, матушка оставила им семейную «трёшку» в центре города, рядом со стадионом, так что из окон квартиры виден был край поля, слышны шум и гам футбольных баталий. В отсутствие по уважительной причине родной матери, великовозрастным детям явно не хватало женского внимания и догляда. Их заменяло общение с ровесниками и коллегами — такими же легко одетыми ходоками на дороге жизни. Версия того, как братья оказались без жилья на двоих, всего одна, и это даёт основания думать, что так оно и было на самом деле. Разница лишь в том, что Толямба считает, что виноват Нос, а Нос, напротив, уверен, что виноват во всём Толямба, как старший в семье. И в этом есть определённый резон.

...Стояли братья на автобусной остановке, у ног каждого — по два мешка, битком набитых пустыми невымытыми бутылками, собранными по контейнерам в ближней многоэтажной округе. Подошёл невысоконый с тонким, почти незаметным, лицом человек. Внимательно, соглашаясь, кивая и сочувствуя, выслушал стенания братьев по поводу нехватки «червончика», крайне необходимого для терапии организма — «культурно подлечиться и поправиться». Человек дал денег на лекарство и исчез. Однако на следующий день, в то же время и на том же месте, человек кинул братьям на поправку здоровья ещё «червончик», в точности как это делают добрые феи и волшебники. Братья — люди приличные, и в этот раз пригласили спасителя к себе в жилуху. Собственно, к этому времени в квартире не многое напоминало, что это квартира, разве что коммуникации — трубы, стояки. Ни раковины на кухне, ни унитаза, ни мебели, ни штор — всё так или иначе ушло на лечение и поправку здоровья. Волшебник задержался в квартире и денег на медикаменты не жалел. Нос всякий раз просил, а потом уже и требовал больше и больше, поскольку больных в отделении реабилитации добавлялось с каждым днём. Информация о благодетеле — на шару в дрова поит и кормит от пуза — разлетелась столь же стремительно, как разносится по умам новость, произнесённая с телеэкрана. И волшебник финансировал празднование завидно лёгким движением руки. Вот рука, на безымянном пальце которой приметный перстенёк, скользнула в туго набитый кошелёк, напоминающий ученическую папку, в которой старшеклассник носит пару тетрадей, блокнот с адресами девушек и дневник. Вот рука метнула купюры на стол. Вот их смахнул со столешницы угрюмый тип. Вот тип исчез в дверном проёме. Вот он, уже счастливый, с просветлённым лицом, вернулся, неся в авоське лекарство. Вот лекарство запустили по кругу. Вот наступила ремиссия и всеобщее расслабление.

В какой-то момент, когда народа в квартире стало совсем уж много, а в дыму легко повис топор, волшебник и фей пригласил Носа выйти на лестничную площадку переговорить. Вышли. И спаситель сообщил сумму, потраченную им на лечение страждущих. Нос не до конца понимал, о чём разговор, и, как обычно в таких случаях, пригласил для разговора на площадке брата. Тот пришёл, вместе братья выслушали благодетеля, переглянулись: вроде всё

сходится, не обманул человек. Оба они люди чести и не стали пикироваться на предмет суммы: «Отдадим». — «Когда?» — «А вот устроимся с братухой на работу и через месяц всё вернём». — «Ну не через месяц, так через два или потом», — пожал плечами не очень уверенный, что план осуществим, старший из братьев. И для убедительности заключил: «Такой, слышь, браток, хитрый порядок вещей». Толямба алкоголик не простой, а читающий, просвещённый, легко может ввернуть в разговор и не такой простенький, без претензии, каламбур, а и почище. «Через неделю», — без нажима, но твёрдо установил окончательный порядок вещей subtilный и вообще никакой не видный, с незапоминающейся внешностью благодетель. «Такому бы в разведке служить, — брался рассуждать Толямба, прочитавший о разведчиках сотни книг. — Ни один свидетель, даже с самой цепкой в мире памятью, ни в жизнь не сумеет с уверенностью сказать, как этот человек выглядит». Не запомнили даже его имени, если оно, конечно, при общении хотя бы раз было произнесено. Обезличенный. Серый. Невзрачный. Лишённый каких-либо особых примет. Никакой!

Счастье бесплатного лечения оборвалось внезапно. Следующая неделя прошла в мучительном ожидании Серого. Народу поубавилось, но всё равно гости подходили, толкались в квартире, что-то искали на кухне и в колченогом шкафу, принесённом в избу из хлама, обычно выставляемого жильцами возле контейнеров с мусором. Падали на пол пустые бутылки, затем, матерясь, не солоно хлебавши, посетители уходили. Приходилось вставать, прикрывать за ними дверь. А это всякий раз насилие над собой: Толямбу ломало нешуточно. Но ещё хуже было младшему. Нос три дня не вставал с пола, даже малую нужду справлял на боку в баночку. Старшему приходилось поправлять фуфайку у младшего под головой, однако больной метался в бреду, всё время сползая с подушки. Снова и снова приходилось вставать, чтобы за ним поухаживать. Но когда отчаяние братьев достигло предела, счастье само вернулось в дом. Пришёл Серый, неся в авоське бутылки спасительной терапии и баночку болгарских маринованных перцев. Свернули белую головку первой бутылочке, спешно разлили по стаканам, приняли, отхлебнули из банки с перцами. Серый не пил и загадочно улыбался. Толямбе в какой-то момент даже показалось, что Серый не так уж и сер, и если взглядеться в лицо, то можно поверить, что чуток походит он на актёра Носика или даже на молодого президента с отчаянно и неотвратимо редющей шевелюрой. А президента народ уважает за жёсткость — сказал: «Мочить придурков в сортире!» — и мочат их ребята будь здоров. И эта уважуха к молодому президенту в голове Толямбы как-то перетекла по скрытым под коркой кровотокам на Серого. Поэтому, когда тот вдруг заговорил о необходимости «порешать вопрос» с долгами, а без продажи семейного прибежища братьев проблемы вроде как уже и не решить, просвещённый Толямба поверил волшебнику сразу: «Конечно, конечно, если другого пути нет, давай будем думать, как изменить порядок вещей», — послушно согласился ведомый в неприятном разговоре о долгах тяжких старший из братьев. Младший согласно кивнул, хотя предмет соглашения ему был ясен не до конца: «Как? Неужели нам предстоит съехать из обжитого за сорок лет угла? Что на это ска-

зала бы матушка? И куда съехать? А в бутылке ещё осталось чуток? Душит братуха — уже который раз подряд разливает не поровну. Ну хоть этот... денег дал, чтобы сбежать. Много дал. Я же говорил Толику: нормальный мужик, не жадный, а братуха менжуется: мол, как бы не проснуться нам поутру с оторванными головами — встал, ищешь-ищешь, а башка вот она — в шкафу на полке. Правильно матушка про него говорила: жалко Толяшу, малахольный он, шибко больной, гляди, сколь книжек читает, без еды и питья может с книжкой трое суток...»

Ещё неделю промучились в ожидании. Серый приехал с нотариусом и помощниками. Нос хоть и мучился, ломало его, но сообразил, что лучше подорвать подобру-поздорову, проворно выскочил на балкон, да вовремя вспомнил — этаж четвёртый, а не первый, как казалось в похмельном бреду в самое последнее время. Водка у Серого с собой, но он не дал. За считанные минуты выправили заранее подготовленные бумаги, подписали, где указала премиленькая нотариус, а помощники волшебника помогли собрать вещи в узлы и бережно, будто хрустальные вазы, усадили братьев в кабину микроавтобуса. В молчании выехали за город, минули автодорожный мост, покатали по равнине. Вот уже и стометровых труб городской ТЭЦ не видно. Вот уже и дыма стометровых труб ТЭЦ не видно.

Толямба всё хотел спросить Серого: куда, мол, едем? Да запомнил, как того зовут. Заставил себя всё же вспомнить, но порядок вещей в голове сложился такой, что и не вспомнилось. А потом прикинул, что едва ли бы он смог: они с братом в разговоре упоминали благодетеля обезличенным: Серый, про Серого, о Сером, Серый сказал, Серый дал, Серый поругал, Серый предупредил, Серый был недоволен...

— ...Едем в Среднебелую, мужики. — Серый будто бы подслушал мысли Толямбы. — Я обещал не оставить вас без жилухи. Там вас ждёт не дождётся такая же коммуналка, как ваша бывшая. Плюс бонусы: девственная природа, рядом великая русская река Зея. Курорт! Сам, выйдя на пенсию, мечтаю там поселиться. — Сделал паузу и продолжил: — А плата за квартиру гораздо ниже. Гора-а-аздо ниже, — сделал акцент волшебник. Оба помощника после его слов обернулись на братьев и, не сговариваясь, хмыкнули. Продемонстрированный элемент цинизма пленникам обстоятельств не понравился. Среднебелая — посёлок, в котором, кроме государственной тюрьмы общего режима, других градообразующих предприятий нет. Тюрьма братьев не пугает, беспокоит другое: не лукавит ли Серый, не готовит ли смертоубийство? Ведь довести до нового счастья он мог бы их с братом и без сопровождения мордоворотов... И Толямба решился на дерзкий побег. Один из сопровождения находился рядом с водителем — этот не мог воспрепятствовать побегу, а другой сидел между братьями. Старший моргнул младшему, тот, мгновенно сообразив, что от него требуется, захватил руки охранника, в ту же секунду в суете сшибки Толямба сумел открыть дверь автомобиля и выброситься на дорогу, благо к этому времени автомобиль стал терять скорость. Вскочив на ноги, бросился бежать — и лишь услышал краем уха напутствие младшего: «Поживи, братуха, и за меня, и за себя, помай баб, попей водочки вволю...»

Некоторое время беглец нёсся по кочкарнику что было сил. Не обнаружив погони, остановился, отдышался, огляделся. И тут сообразил, что в побеге он нарезал приличный круг по неудобьям вдоль асфальтированной трассы областного значения. Это и не удивительно: трава высокая, кустарники, отдельно стоящие убогие деревца — никаких ориентиров. И как-то само собой его позвало место, откуда он стартовал в счастливое будущее, в котором, по завещанию брата, вволю покуражится с бабами, попьёт водочки и вообще предастся земным грехам. А причина позыва была вот какая: ему вдруг представилось, что записка, которая оставалась в кармане пиджака, выпала аккурат, когда он сиганул из микроавтобуса на асфальт и, кувыркаясь, летел под откос. Потом он с решительной неотвратимостью понял, что записка вовсе и не записка, а его собственный сивокобылий бред, что эту записку третьего дня унёс в магазин товарищ его, заглянувший на огонёк, коему остро требовалось поправиться. А записка была бы как нельзя кстати: если не выпить, отметив освобождение, то хоть на пару-тройку пирожков с ливером хватило бы вполне. Однако крохотная, эфемерная надежда всё же оставалась, ибо в голове чудовищно шумело и каких-то деталей прошедших дней Толямба мог и не помнить, мог элементарно их упустить. А вдруг неким фантастическим образом записка не исчезла? В чудеса старший из незадачливых братьев всё ещё продолжал верить. Мать не врала: её старший действительно прочёл сотни и сотни разных умных книг. Вот он, тот участок дороги, вот и место, где беглец обрёл свободу... А вот и брат его родной, которому ещё в детстве Анатолий дал прозвище Нос.

— Живой? — участливо спросил Нос.

— А ты?

— Как видишь. Только идти не могу. Этот амбал такого пинка засадил мне, что нога не сгибается. И ни одна зараза не подберёт раненного в зад человека: остановятся, спросят, как дела, чего тут оказался, и едут дальше. Ну и народец в нонешней Расее! Менять надо людей, менять. При советской власти столь жлобов не было. — Морщась от боли, младший брат предпринял попытку подняться с насыпи.

— Да уж, советская власть такого не допускала, чтоб бандиты оставили человека без честно заработанной квартиры.

— По правде говоря, братуха, нашу квартиру заработала мамка. Дали ей как матери-одиночке.

Они и потом, общаясь в разном составе, десятки раз будут говорить и друг другу, и тем, кто готов их слушать: наша квартира, в нашей квартире, нашей квартирой, — так до конца и не согласившись с участью бездомных, ну не шелудивые же они собаки, которых изгнали со двора за досаждающий хозяевам беспричинный брех. Не собаки, люди. Не на лапах — на ногах они множество раз приходили под окна квартиры пообщаться с бывшими соседями, поругать жизнь-нескладушку, повздыхать, глядя на свет в родном окне. И уходили, чтобы вернуться ещё и ещё, будто получив хоть малую толику большой надежды на то, что всё чудесным образом вернётся на круги своя, они законным образом принесут узлы в свою квартиру и заживут по-прежнему.

...Новую, пизански наклонённую жилуху, построенную братьями в пригороде для Кабанихи — так прозвал хозяйку изобретательный книгочей Толямба, — братья обживали шумно. Шум главным образом возникал возле деревянного туалета, в подпитии сколоченного ими из необрезных досок и окрашенного светлой акрилой. Стоило подуть доброму северяку, как постройка немедленно ложилась на бок. То есть совсем набок, безвольно, как падает срубленный тесаком тальник. Это могло случиться в любое время суток. Между тем наблюдателям казалось, что даже за полночь в ветреную погоду братья дежурили по очереди, чтобы не пропустить момента, когда сортир падёт под давлением стихии. Как только это происходило, незадачливые строители без промедления начинали колготиться возле своего детища, материться, заводить пеньковый канат, чтобы вернуть сооружение на стапель из брёвен. Если авария происходила днём, пытались позвать случайных прохожих. Без крыши над головой трудно, а без сортира вообще никак. Это действие неизменно смешило праздную публику, проезжающих мимо строителей, жильцов из ближней округи, соседей. Покосившаяся с заданным при возведении углом падения летняя кухня и лежащий на боку туалет стали достопримечательностями микрорайона. Доходило до того, что проезжающие вдалеке по трассе свадебные кортежи вдруг специально делали петлю, чтобы остановиться на пяток минут — повеселиться, покривляться перед объективами фото- и видеокамер: смотрите, мол, брачующиеся, стройте свою жизнь так, чтобы в вашу сторону не показывали пальцем. Это уже была слава.

Достаточно было взглянуть на оба шедевра строительства, чтобы сформировать представление о хозяевах и понять горькое и непреложное: Нос и Толямба чьим-то несправедливым властным решением были обречены по жизни мыкаться и мучиться, а в итоге стать жертвами развода окаянных прохиндеев. Обречены.

Когда у Кабанихи заканчивались деньги, а, судя по всему, они заканчивались очень быстро, она выгоняла братьев на заработки, поскольку плотники, даже со столь сомнительной репутацией, в строящемся микрорайоне неизменно были востребованы, а братья цену не ломили. И тогда, через неделю-другую, на участке рядом с летней кухней появлялся штабелёк бруса, досок или кирпича. Примерно через полтора года после появления незадачливых братьев на участке Бабарихи Толямба и Нос выставили опалубку и, кое-как армировав пространство между досками, вручную приготовили и залили бетон ленточного фундамента для будущего дома. Когда спустя неделю сняли опалубку, стало видно, что фундамент залит не блестяще. «Как бык посс..! — рассуждая о качестве выполненной братьями работы, белоголовый сосед Кабанихи не сдерживал эмоций. Он вообще не сдерживался и психовал, стоило завести разговор о братьях. — Как так, — неизменно восклицал сосед, срываясь на фальцет, — два зрелых мужика, а старший вообще в пенсионном возрасте, и у обоих нет на руках паспорта! Ну ладно, прописаться негде! Но для оформления пенсии паспортина-то нужна позарез! Как обойтись без основного документа? А если, не дай бог, дуба врежет — как сельсовет или райсобес назначит к выплате гробовые да похоронные? А и кто будет хоронить такого ненастоящего пен-

сионера? Слышь, — обращался седой к собеседнику, — от Толямбы же несёт мочой, как от самого последнего засс..ца. Я за таким гробом не пойду, хоть и приплати мне... А ты не знаешь, с чего это у него клапан-то не держит? — Я думаю, может, это последствие... — он демонстрировал то, о чём высказал догадку, сложив пальцы, будто готовился взять грамм соли либо щепоть табачку.

И действительно, обе руки Толямбы, очевидно, в наиболее непроходимых для него жизненных теснинах, в запястье подломаны и неправильно срослись. А повреждённые нервные окончания сложили пальцы рук таким вот образом. И теперь всякое действие — хоть расстегнуть пуговицы ширинки, хоть взять мастерок, или лопату, или штукатурную тёрку — сопровождается мучениями. Но Толямба привык. И простую работу — хоть и вкривь-вкось и абы как — способен был справить не хуже человека здорового, только всё давалось ему гораздо труднее, чем здоровому, однако упорства старшему из братьев было не занимать.

Только вот мочой от него несло до постыдного. Долго находиться рядом с ним было невозможно, и непонятно было: с чего бы, в самом деле, клапан не держит? В момент откровения он однажды поведал вот какую историю. Передаётся с сохранением стиля.

«Как-то с получки наведалься я к подружке, сорокалетней разведёнке. Я тогда возглавлял крупную растущую фирму. — (Что производила или продавала-покупала его фирма — в разговоре размыто. Наверняка это были ядерные реакторы или комплектующие турбин для гидроэлектростанций, а возможно, суперсовременные компьютеры для оборонной промышленности и разведки). — В моём портмонете, который я опрометчиво раскрыл, когда отсчитывал купюры хозяйке перед походом в магазин, было тесно от дензнаков самого высокого достоинства, — положив нога на ногу, неспешно вспоминает Анатолий. — Как обычно начислил, как обычно взяла и отправилась в магазин. Вернулась не одна, привела с собой двоих, говорит: увязались, не смогла от них отделаться. Сели пить. Как сейчас помню, — морщится и щурится Толямба, переживая детали злополучного вечера, — на столе четыре бутылки портвейна «Агдам», ну и, известно, селёдочка, да салатик маруха построгала из огурчиков. Сидим, пьём, гостям рады, хотя радости своей чересчур не выказываем. Хорошенько поддали. Но всё быстро закончилось. Достал портмонет в другой раз, отключил несколько банковских листов, гости ушли в магазин. Не подорвать ли мне, прикидываю, пока при памяти. Куда там, принесли полную авоську «Агдама», добрую селёдину, но привели ещё двоих чудаков. С двоими-то я справился бы, — уверенно выводит Толямба, — а тут четверо. А ведь известно — после двух литров портвейна начинается делёж бабы. Ладно, думаю, мне ли с четверыми рядиться из-за плутоватой, слабой на передок Соньки. Прощаюсь: надо, мол, идти, предприятие всё-таки, дела ждут, двести девяносто шесть человек в третью смену работают, надо проверить подчинённых. Не тут-то было. Отпускать меня не хотят. Кое-как вырвался, пришлось бросить им на драку портмонет. Они и рады: попадали на четыре кости, собирают бумажки с пола, тьфу ты, противно смотреть, до чего люди низко опустились. Но им мало, видать, захипешились урыть меня. Говорят: ты зря ломишься, Толян, получи слегка

по башке да и иди себе с богом. Там, на первом этаже, ещё трое ждут, те вообще отмороженные, тебе мимо них не прорваться. Ладно, добро, ребяташки, думаю, — щурится Толямба, вспоминая перипетии былого. — И принимаю единственно верное решение — уходить чердаками и крышами. Проломился к входной двери и мигом к лестнице на верхнем этаже. Там — на чердак, с чердака — на кровлю. Бегу, чую: пятеро меня настигают. Хотел сигануть от них с крыши на крышу, прыгнул, ухватился одной рукой за ветряк, но сорвался вниз, чуток не хватило фазы полета. Пока летел, прикидывал — какой частью тела пожертвовать, чтобы меньше потерь для производства. Решил — руки жертвую, чтобы только ноги целы остались. Сложился, сгруппировался перед приземлением — и благополучно уронил тело на руки. Поломался, конечно, бегу в сторону больницы и думаю: всё-таки верное я принял решение.

Предприятие? А что предприятие? Живёт оно и здравствует. Руки поломал, пришлось право первой подписи делегировать секретарше — у меня с ней был амурчик небольшой, — в этом месте Толямба подмигивает слушателю. — А эта лярва сговорила с моими замами, со всеми семерыми, и те, ушлые, вывели активы за рубеж. Деньги мои там, и они вслед за ними, побросав семьи, свалили. В сумме, слышь, тридцать шесть штук детей, собаки, оставили! Что делать?! Надо выручать детишек. Пришлось банкротить заводы, чтобы сменился собственник. А ты спрашиваешь: с чего, мол, энурез? Будешь тут сса... ся, когда такие заводы потерял! Ну да ничего, теперь всё принадлежит государству. Я так считаю: чем будет наживаться стая товарищей, так пусть лучше государству отойдёт. А мне за тот поступок от президента — пенсия персональная. Десять тысяч долларов сэсза ежемесячно. Надо вот только паспорт оформить да прописку, тогда хоть будут знать, куда пенсию приносить. Как оформлю паспорт, так за десять лет сразу всё и получу. Я присмотрел гостиничку в Геленджике. Себе апартаменты на верхнем этаже, а номера попроще сдавать буду, тоже какая-никакая копейка. Инвалидам войны и бизнеса существенная скидка, номера можно заказывать хоть сейчас, а то в сезон толкотня да паника. Ну а ведать хозяйством будет моя секретарша. Та самая. Я её простил. Как называется гостиница? «Савой», а как же ещё, — обижается на непонимание собеседника Анатолий. Но продолжает в том же духе: — Случится заморочка — скажите администратору: мол, Толик, хозяин, велел всё решить немедленно и быстро, поскольку землякам — карт-бланш и преференции при любой нужде».

Про секретаршу у него отдельная история. В авторском исполнении — просто заслушаешься. Нашёл он её в далёкой деревеньке, только что шестой класс окончила. Он с её мамой поначалу сошёлся. Поконторил с женщиной — женись. Такое у Толямбы жизненное правило. Привёз в город и подругу, и несовершеннолетнюю дочь её. Толямба ведь крупный заводчик и может себе это позволить. А дальше — история, очень похожая на любовное приключение Гумберта и его двенадцатилетней падчерицы, нимфетки Лолиты.

Когда предпринимаются попытки уличить Толямбу во лжи, он может отмахнуться таким, например, образом: «Допускаю, что этот сюжет у меня кто-то заимствовал. Допускаю. В литературе, как и в жизни, всего тридцать три

классических сюжета, плюс пять тыщ зачастую банальных вариаций на первоначальные тридцать три. И потом — чего в этой истории такого уж необыкновенного?» Действительно, ничего. Разве только то, что первым плоды заимствования опубликовал Вэ Набоков. Возможно, в качестве подарка к первой округлой дате со дня рождения Толямбы — к его пятилетию.

«...Я тогда был писателем, — начинает Толямба очередную историю, сидя в пизански построенной временной кухне, освещённой единственной тусклой лампочкой. «Времянка» — это слово братья произносят столь же часто, как и словосочетание «наша квартира». — Был известным литератором, испытывал трудности с деньгами. В какой-то момент жизнь прижала совсем уж нешуточно, и я принял предложение знакомого присматривать за отелем «Белый медведь» на Чукотке. Мы с женой да сынишка в переходном возрасте. Зимой из-за снега отель отрезан от остального мира. Сам понимаешь, закрытое пространство, мании всякие, клаустрофобия, — может, слышал о такой: угнетённое состояние, пограничное с сумасшествием. Вот так и жили всю зиму в полной изоляции. Запасы? Запасы имелись, даже с избытком. Тут уж хозяину надо отдать должное: икра вёдрами, хлеба проспиртованного сорок мешков, опять же тюлений жир: одна ложка — и неделю есть не хочется. Прямо космическое питание. И вот тут у моего сына Дениса открылся дар ясновидения. Например, своим всепроникающим зрением увидел Дениска призраки предков тамошних аборигенов — чукчей. Отель как раз находится на аборигенном древнем кладбище. Трудно пришлось Дениске. Да я и сам едва с ума не сошёл. Но тогда у меня психика была крепкая. А сынишка много претерпел. Где сейчас? В штате Монтана, в тамошнем университете проходит обследование, пять диссертаций на его материале пишут. Трое уже защитились. Если хочешь, можешь позвонить, справиться, как дела. Скажи, что от меня. Будешь там — загляни на огонёк, он в академическом городке проживает, по соседству с профессурой, передай от отца привет, пусть держится молодцом и помнит, что отец его любит...»

Этот ребус Толямбы особенно сложен. Соседи и все, кто слышал историю Толямбы, недоумевают: так придумать, так лихо накрутить сюжет! Когда раскрылся коварный обман Толямбы, оказалось: его история очень похожа на сюжет, рассказанный Стэнли Кубриком в фильме «Сияние». Наверно, Анатолия можно было бы схватить за руку. Но только если бы он стал рассказывать о своём участии в космической одиссее того же Кубрика. Нет, все его истории заземлённые. Его вообще странно тянуло к земле.

В какой-то момент Кабанихе осточертела вонь от смердящего Толямбы, пропитавшая воздух, стены, самодельную мебель времянки и даже посуду. Она стала выдавливать нежеланного жильца, но Толямба держался до последнего, понимая, что вне жилухи бороться за жизнь будет совсем сложно. Тогда хозяйка принялась давить на сожителя-примака, но младший брат устоял — благо особого его участия не требовалось, только молчаливое несогласие, а скорее, сомнение, обозначенное простым пожиманием плеч: мол, а другого порядка вещей не предусмотрено? Видя такое, Кабаниха пошла дальше: нажаловалась своим взрослым сыновьям. Те недолго собирались. Приехали на

участок и принялись на виду у всех соседей Толямбу избивать. И раз, и два, и три, и пять. Анатолия особенно обижало, что всякий раз при экзекуции присутствовал брат, безучастно или трусливо взирающий на постыдную и жестокую расправу. Но братуха такой же беспаспортный и отверженный, выйди за дверь — и никто не подтвердит что он тот самый Юрий Проклов, а не обезличенный плотник по кличке Нос. Отчаявшись, Толямба эмигрировал на склон сопки, куда строительство ещё не дошло. С трудом вырыл землянку в склоне, вывел печную трубу, кое-как из последних сил обустроил жильё. Пригласил в гости бывших соседей и брата-примака. Те откликнулись. Но долго гостить не смогли, поскольку печная труба, слишком тонкая, была не способна вывести весь дым от горящей печи. Жилуха топилась, считай, по-чёрному. Потом Нос пришёл снова, привёл ещё двоих. Погостив часок, брат ушёл, а двое остались пожить. Втроем притерпелись к дыму. «Главное — почаще выползать для продыху», — книгочей Толямба дал правильный расклад. Жили шумно, установив привычный порядок вещей, так что через неделю явился хозяин участка и в компании с участковым выдворил захватчиков за пределы земельного отвода. Подступили морозы, и лопата грунт уже не брала.

...Весной как-то повстречался на улице Нос.

— Слышь, а у меня большое горе, — не шибко искренне поведал младший из братьев. — Какое? Братуху Толяна нашли в канализационной шахте. С осени там проживал. Тесно ему там было. И опять же вонь невыносимая. Это тебе не дым, к которому можно притерпеться. Мне сказали: умер стоя. Вызвали меня для опознания. Тело истлело напрочь, только по тряпью и опознал братуху, да ещё по паспорту. В самое последнее время один журналистишко из местных помог ему справить документ. Всё некогда этим писакам помочь простому человеку, всё некогда. Позасели...

Сам Нос умер спустя два месяца. Об этом рассказала Кабаниха. За считанные недели его, внешне здорового и даже крепкого мужичка, сожрал рак. А строительство дома, которое как могли затягивали братья, поскольку по окончании работ их будущее в долгострое не просматривалось, затянулось на годы. Дети хозяйки, видать, долго не решались подойти к первым венцам сруба, которые, в точности как и летняя кухня, наклонились в северном направлении, словно готовились встретить лютый ветродуй, как встречает ветер в лицо любой координированный человек. У Кабанихи иногда появлялись мужики. Приходили и куда-то вскоре исчезали, приходили и исчезали, приходили...